

505. Вся правда

Догадавшись о Ли Мубо, Цзян Чэнхуа испытывал боль не только в пахе, но и ещё более острую боль в голове.

Он всегда носил тёмно-серую шляпу. Даже в присутствии Лу Чэня и остальных он не снял её. И повёл он себя так вовсе не потому, что не разбирался в этикете или был высокомерным, а потому, что эта шляпа скрывала бинты, обвязывавшие голову.

Удар от пепельницы, которую Цзян Тай бросил в него, оказался сильным. Череп Цзян Чэнхуа был слегка проломлен, произошло сотрясение мозга. Если бы не примирительный банкет, Цзян Чэнхуа сейчас, пожалуй, до сих пор лежал бы в больнице.

Поэтому он отлично понимал, насколько зол был в тот момент его отец, а источником этой злобы, вероятно, служил этот озорно улыбавшийся паренёк, походивший на типичного сосунка из богатой семьи!

Выяснив личность Ли Мубо, Цзян Чэнхуа стал более учтивым и осмотрительным.

Он, подавив душевную горечь, встал, взял со стола чайник и медленно налил в чашку горячий чай.

Затем этот вечно своевольничающий отпрыск семейства Цзян обеими руками преподнёс чашку Лу Чэню, сказав: «Юный господин Лу, я имел глаза, а горы Тайшань и не разглядел. Прежде я нанёс оскорбление, прошу юного господина Лу простить меня!» (*Иметь глаза и не разглядеть горы Тайншань – не понять, с кем имеешь дело; не заметить какую-то важную личность*)

Эта чашка чая давалась неспроста. Она означала официальное извинение Цзян Чэнхуа и была равносильна его вставанию на колени. Теперь всё зависело от ответа Лу Чэня.

Если Лу Чэнь останется недовольным и не примет чашку чая, это станет плевком в лицо Цзян Чэнхуа, и обе стороны останутся врагами до конца жизни.

Конечно, это при условии, что у Цзян Чэнхуа будут силы на вечную вражду, иначе его репутация будет окончательно уничтожена.

Лу Чэнь призадумался.

Компания Honghua, принадлежавшая Цзян Чэнхуа, своими действиями доставила так много неприятностей, что пришлось даже приостановить съёмки. Если вот так просто простить противника, это будет просто неуважением к себе.

Ли Мубо, громко вздохнув, начал стучать пальцами по столу. Он ехидно произнёс: «Разве одной чашкой можно уладить дело? Где это видано, чтобы так легко всё давалось! В следующий раз я подкину парудохлых собак на фабрики Фуюань и Пэнфэй, а потом просто извинюсь чашкой чая».

Цзян Чэнхуа напрягся. Он наконец убедился в правильности своих выводов насчёт личности Ли Мубо.

Фуюань и Пэнфэй являлись двумя крупными фабриками в материковом Китае, в которые вложилась группировка рода Цзян. В настоящее время их проверяли налоговая инспекция и управление по охране окружающей среды, из-за которых Цзян Тай попал в настоящую

переделку.

Цзян Чэнхуа тотчас заискивающе заулыбался: «Юный господин Ли верно говорит. Я ещё приготовил кое-какой подарок».

Он подмигнул, и стоявший позади него помощник сразу преподнёс Лу Чэню тонкий конверт.

Цзян Чэнхуа сказал: «Простите за столь скромный подарок, но не откажите в любезности принять его, юный господин Лу».

Лу Чэнь взглянул на Ли Мубо. Последний слабо кивнул, в итоге Лу Чэнь открыл конверт.

Внутри лежал чек на сумму 10 миллионов юаней.

Лу Чэнь ради нанесения компании Honghua ответного удара пожертвовал Обществу защиты животных 5 миллионов. Цзян Чэнхуа наверняка об этом знал, поэтому выделил в два раза больше денег в качестве извинения, что можно было считать вполне искренним поступком.

В этот момент заговорил Лю Чжэнхао: «Юный господин Лу, малыш Цзян совершил злодеяние, но его одурманили и подбили на это дело, поэтому...Давайте жить дружно!»

Взгляд Лу Чэня загорелся. Он засунул чек обратно в конверт, передал его Чжан Сяофану и слабо улыбнулся: «Раз почтенный Лю так говорит, тогда я просто обязан оказать честь. С этим делом решено!»

Говоря это, он принял из рук Цзян Чэнхуа чашку чая.

Как только Лу Чэнь взял чашку, обстановка в Зале Вернувшегося Журавля разрядилась. На лицах Лю Чжэнхао, Чжоу И и остальных показалась улыбка.

Как и сказал Лю Чжэнхао, нужно жить дружно. Только дружественные отношения могли принести богатство. Сейчас уже давно были не 70-е и не 80-е. Кровавые разборки ни к чему хорошему не приведут.

Лу Чэнь, сделав глоток чая, отложил чашку и произнёс: «Но...»

Что ещё за “но”?

Лицо Цзян Чэнхуа тут же вытянулось.

Он больше всего опасался, что Лу Чэнь, завоевав преимущество, не смилуется окончательно, а продолжит ставить всё больше и больше требований.

Лу Чэнь продолжил: «Но мне всё же любопытно, кто одурманил и подстрекнул господина Цзяна?»

Лу Чэнь горящим взглядом уставился на Цзян Чэнхуа.

Последний, напротив, облегчённо выдохнул и с неловкой улыбкой сказал: «Об этом стыдно говорить, но, раз юный господин Лу хочет знать, я, естественно, сообщу всё, что мне известно».

На самом деле, даже если бы Лу Чэнь не спросил, Цзян Чэнхуа все равно бы всё рассказал.

Он происходил из богатой семьи, с самого детства не знал недостатка в роскошной одежде и изысканной пище, его жизненный путь проходил без препятствий. Даже обособившись от семьи, он не терпел никаких убытков в бизнесе. А теперь он понёс поражение, причём чрезвычайно тяжёлое поражение.

Именно поэтому Цзян Чэнхуа больше всего ненавидел того человека, что подстрекнул его на конфликт с Лу Чэнем.

Этот был не обычный человек, а глава кинокомпании Хуагуань – Цуй Синсянь.

Кинокомпания Хуагуань входила в десятку самых влиятельных и крупных кинокомпаний материкового Китая. Это был филиал развлекательной компании Хуагуань. Гендиректору Цуй Синсяню было 30 лет, он был творческим и целеустремлённым молодым человеком в материковой киноиндустрии.

Цуй Синсянь имел огромные амбиции и никогда не желал оставаться в тени. Когда правительство Гонконга совместно с Главным управлением радиовещания, кинематографии и телевидения разработало новую политику поддержки кинематографа, он усмотрел благоприятную возможность.

Как только новости распространились по деловым кругам, кинокомпания Хуагуань одна из первых ринулась в Гонконг создавать там свой филиал. Цуй Синсянь лично вёл дела в Гонконге, в настоящее время новый фильм уже находился в процессе напряжённых съёмок.

Цзян Чэнхуа сказал: «Как-то раз на одном банкете я познакомился с Цуй Синсянем и подумывал с ним сотрудничать. Тогда он поставил требование расправиться с вами. В случае успеха моя кинокомпания приняла бы участие в его фильме».

«Вы знаете, почему он захотел расправиться с нами?»

Лу Чэнь находился в полном недоумении. Он знал про существование кинокомпании Хуагуань, но не был лично знаком с Цуй Синсянем. Между обеими сторонами не существовало никакой вражды и никакого конфликта.

Цзян Чэнхуа сдал Цуй Синсяня с потрохами: «Прежде всего, ваш фильм уже начал конкурировать с их работой, так как ваш фильм называется Китайская история о призраках, а их – Маска».

Маска!

Лу Чэнь тотчас прозрел. «Маска» тоже являлась рассказом из «Повестей о странном из кабинета Ляо». Таким образом, обе стороны выбрали истории, схожие по жанру. Поэтому, когда наступит время подавать заявку на получение места в программе поддержки, оба фильма окажутся непосредственными конкурентами.

Под влиянием гонконгской политики поддержки смогут оказаться всего лишь 20 фильмов. Конкуренция и так будет ожесточённой, а уж когда столкнутся работы одного жанра, будет ещё сложнее получить место. У кинокомпании Хуагуань были все причины очернить «Китайскую историю о призраках».

Лу Чэнь невольно усмехнулся: «Кинокомпания Хуагуань и впрямь высокого мнения обо мне».

И по влиянию, и по статусу только что вступившая в киноиндустрию рабочая студия Лу Чэня

сильно уступала кинокомпании Хуагуань, но при этом вынудила Цуй Синсяня пойти на подлость. Лу Чэнь даже немного упивался таким результатом.

Цзян Чэнхуа, колебавшись, вымолвил: «И ещё – поговаривают, что Цуй Синсянь некогда бегал за Чэнь Фэйр».

Лу Чэнь не находил слов.

Оказывается, этот тип был ещё и поклонником Чэнь Фэйр. Видимо, потерпев неудачу в ухаживаниях, он решил выплеснуть обиду на Лу Чэня.

Теперь наконец выяснилась вся правда!

<http://tl.rulate.ru/book/96733/374129>